

С. А. Тальчиков

Договор простого товарищества в гражданском праве России исторические традиции и современность

монография

ПРОСТОЕ ТОВАРИЩЕСТВО В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ПРОСТОЕ ТОВАРИЩЕСТВО КАК НЕПРАВОСУБЪЕКТНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ДОГОВОР ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЭЛЕМЕНТЫ ДОГОВОРА ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА

Сергей Тальчиков

**Договор простого товарищества
в гражданском праве России:
исторические традиции и
современность. Монография**

«Проспект»

Тальчиков С. А.

Договор простого товарищества в гражданском праве России:
исторические традиции и современность. Монография /
С. А. Тальчиков — «Прспект»,

ISBN 978-5-39-218590-0

В монографии рассматриваются основные вопросы истории правового регулирования отношений простого товарищества в России, а также современное состояние законодательства в данной сфере. Автором в определенной степени проанализирована судебная практика, уделено внимание аналогичным объединениям, которые создаются и действуют в зарубежных странах. Выявляется также специфика отношений простого товарищества в отдельных сферах экономики. Законодательство приведено по состоянию на июль 2014 г. Рекомендуется для преподавателей, аспирантов и студентов юридических и экономических высших учебных заведений.

ISBN 978-5-39-218590-0

© Тальчиков С. А.

© Прспект

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	7
1.1. Правовое регулирование товарищеских объединений в Древнем мире. Сравнительная характеристика	7
1.2. Товарищеские объединения в гражданском праве России. Становление и развитие	14
1.3. Эволюция законодательного регулирования отношений простого товарищества в советский период	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

С. А. Тальчиков
ДОГОВОР ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ
Монография

ВВЕДЕНИЕ

В современной России создаются и действуют различные предпринимательские объединения. Холдинги, группы компаний, концерны, синдикаты и иные объединения создаются, как правило, на договорной основе. Договоры, направленные на создание коллективных образований, составляют особую группу гражданско-правовых договоров. Многие из данных договоров получили законодательное закрепление. К таковым относится и договор простого товарищества, выработанный хозяйственной практикой на протяжении значительного периода развития экономических отношений. Данный вид договора широко применяется при осуществлении гражданами и юридическими лицами предпринимательской деятельности, а также в некоторых других сферах. Однако, прежде чем получить детальное закрепление в нормах главы 55 Гражданского кодекса РФ, отношения совместной деятельности прошли долгий путь развития. Термин «договор простого товарищества» (далее – ДПТ) появился в России лишь в XX столетии. Законодательное закрепление в отдельные периоды времени получали такие понятия, как «простое товарищество», «договор о совместной деятельности». Отношения совместной деятельности возникли, по единодушному мнению специалистов, на заре существования человечества. Их правовое регулирование в отдельные исторические периоды отличалось разнообразием. Отдельные особенности правового регулирования отношений простого товарищества до настоящего времени не являлись предметом историко-правового анализа. Между тем без детального изучения процесса становления и развития правового регулирования отношений простого товарищества представляется затруднительной дальнейшая работа по совершенствованию норм главы 55 ГК РФ. Совершенствование норм главы 55 ГК РФ позволит решить ряд проблем, возникающих в правоприменительной практике.

Степень разработанности темы. В настоящее время имеются диссертационные исследования, посвященные различным проблемам применения ДПТ на практике. К фундаментальным работам в данной области можно отнести диссертации таких ученых, как Е. М. Щукина, А. Б. Савельев, Т. В. Ламм, Г. Г. Пиликин. Значительное количество работ опубликовано по вопросам правового статуса различных видов предпринимательских объединений, возникающих на основе ДПТ. Вместе с тем количество диссертационных работ, специально посвященных изучению ДПТ в историко-правовом аспекте, невелико. В отдельных исследованиях затрагиваются вопросы функционирования предпринимательских объединений, появления и развития договорных конструкций, на базе которых создавались данные объединения. Но автор отмечает почти полное отсутствие научных исследований, в которых специально изучались бы различные этапы правового регулирования отношений простого товарищества. Одним из немногих исключений являются публикации Ю. С. Любимова, весьма детально характеризующего проблемы товарищеских объединений в историко-правовом аспекте. Однако дан-

ный автор в основном исследует вопросы становления такой категории, как «товарищество», и о простом товариществе упоминает наряду с иными разновидностями товариществ – юридическими лицами. Таким образом, настоящее исследование является одной из первых научных работ, специально направленной на изучение простого товарищества в историко-правовом аспекте.

Теоретической основой монографии являются труды представителей историко-правовой и цивилистической науки. Значительный вклад в разработку темы внесли С. С. Алексеев, М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, А. В. Венедиктов, А. И. Каминка, А. С. Кривцов, Д. И. Мейер, И. А. Покровский, Г. Ф. Шершеневич. В значительной степени изучены специально посвященные отдельным вопросам правового регулирования отношений простого товарищества труды таких авторов, как А. Г. Гойхбарг, А. И. Масляев, И. А. Масляев, С. Н. Ландкоф, О. С. Иоффе, Ю. В. Романец, К. И. Скловский, М. И. Батынов, С. В. Крутикова, Н. А. Кашин, Т. В. Ламм, Ю. С. Любимов, А. Е. Молотников, А. Б. Савельев, Е. М. Щукина, Г. С. Шапкина, Д. Н. Подшибякин, И. С. Шиткина, и других ученых.

Автор формулирует критерии периодизации развития правового регулирования отношений простого товарищества, исследует генезис предпринимательских и иных объединений, являвшихся прообразами простого товарищества. Анализируются многочисленные изменения в нормативном регулировании отношений простого товарищества, происходившие по мере развития предпринимательских и иных экономических отношений в России. По ходу работы анализируются причины и следствия данных изменений. В исследовании автор ставит вопрос о происхождении термина «договор простого товарищества» и выделяет основные причины появления данной договорной модели. В работе рассматривается возможность внесения в качестве вклада в совместную деятельность отдельных видов объектов гражданских прав в отдельные исторические эпохи и в современный период.

В монографии получили освещение различные вопросы, связанные с созданием, функционированием и прекращением такого традиционного для России объединения, как простое товарищество, существующее и ныне на основе соответствующего договора.

ГЛАВА 1

ПРОСТОЕ ТОВАРИЩЕСТВО В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

1.1. Правовое регулирование товарищеских объединений в Древнем мире. Сравнительная характеристика

Для более детального изучения процесса возникновения отношений простого товарищества в России представляется целесообразным выявить основные особенности товарищеских объединений, существовавших в различных древних обществах. ДПТ является одним из соглашений, наличие которых в законодательстве многих государств есть явление закономерное. Однако понятие «договор простого товарищества» появилось в отечественном законодательстве относительно недавно. Проект Гражданского уложения Российской империи 1913 г. впервые в истории нашей страны включал нормы о простом товариществе. Но в силу известных (по большей части политических) причин данному проекту так и не суждено было стать действующим законодательным актом. Ряд идей Проекта был положен в основу Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. Следовательно, необходимо сразу же указать, что на протяжении тысячелетий имеют место предпринимательские и иные объединения, не называемые представителями власти и участниками простым товариществом, не называемые также договорами о совместной деятельности, а лишь являющиеся до некоторой степени прообразами современных объединений, обозначенных данными юридическими терминами. Многие исследователи справедливо отмечают, что известные законодательствам различных древних государств торговые, земледельческие и иные объединения были предшественниками именно простого товарищества прежде всего потому, что долгое время соответствующие законодательства не знали института юридического лица. Это подтверждается хотя бы тем общеизвестным обстоятельством, что на протяжении тысячелетий в качестве субъектов гражданских правоотношений фигурировали только лица физические, т. е. люди. Юридическое лицо окончательно было признано субъектом права лишь в XIX в. Именно в данный период произошло окончательное оформление различных теорий происхождения юридического лица. Соответственно, по мере оформления такого сложного и фундаментального понятия, как юридическое лицо, происходило и отграничение его от объединений, создаваемых довольно часто с целями, аналогичными тем, для достижения коих создавались юридические лица, но при этом не являвшихся самостоятельными субъектами правоотношений.

В контексте нашего исследования необходимо отметить, что деление различных групп, компаний и иных объединений на торговые, купеческие и иные, создаваемые с целью, отличной от получения прибыли, возникло практически сразу после становления древних государств. Большинство авторов (Е. М. Щукина, И. П. Грешников, К. К. Лебедев и др.) довольно обстоятельно характеризуют договор товарищества, имевший большое значение в организации жизни римлян, причем исследователи отмечают, что именно данный вид договора являлся предшественником современного простого товарищества. Ником образом не отрицая справедливость многих суждений данных ученых, представляется целесообразным рассмотреть отношения по совместной деятельности различных субъектов права более широко даже в географическом смысле. Е. М. Щукина пишет, что «товарищеский договор встречается в истории всюду, куда достигает глаз исследователя». А. Б. Савельев резюмирует высказывание цивилистов начала XX в. В. Шретера и А. Л. Федорова: «...Товарищеское объединение нескольких

лиц для совместного достижения определенной хозяйственной цели встречается уже в самой глубокой древности. Самая идея товарищеского соглашения там, где сил одного не хватает для разрешения какой-либо жизненной задачи... настолько проста и естественна, что всюду, где мы встречаем человека в общежитии, мы встречаем и договор товарищества»¹. Действительно, сама мысль об организации совместной деятельности людей там, где усилий одного человека (одной семьи) явно недостаточно, являлась закономерной. Более того, объединение людей в Древнем мире, например, перед лицом общей опасности (угроза войны, стихийного бедствия и т. п.) было во многих случаях просто неизбежным. Исключительно важной нам представляется одна деталь, которая относительно слабо освещается в научных трудах. И. А. Покровский называет товарищество «простейшей и древнейшей» формой гражданско-правового соединения лиц для совместной деятельности. Практически аналогичным является мнение Е. А. Суханова: «Договор простого товарищества (о совместной деятельности) является одним из древнейших правовых институтов... В самом далеком прошлом нет такого законодательства, которое не знало бы подобных договоров». Из суждения Е. А. Суханова очевидным становится такой факт, как разнообразие договорных отношений, по существу являвшихся товарищескими. При характеристике товарищеского договора многие специалисты говорят почти исключительно о законодательстве Древней Греции и Древнего Рима. Действительно, именно там, особенно в Древнем Риме, данное соглашение именовалось товарищеским договором и получило наибольшую степень завершенности. Ряд условий данного договора (например, условия об общей цели, о вкладах в общее дело) и в настоящее время не подвергается сколь-нибудь серьезным изменениям. Однако подобные соглашения присутствовали не только в греческом и римском праве. Существование объединений, в юридической плоскости представленных порой довольно своеобразными, если не сказать уникальными юридическими конструкциями, характерно для различных государств Древнего мира. Практически все специалисты по теории и истории государства и права выделяют в древнюю эпоху в целом два типа цивилизаций. Цивилизации первого типа представляли собой общества с явным превалированием частных интересов, когда все силы государства были поставлены на службу частному собственнику. При этом частный собственник вступал в различные объединения, к которым государство не имело никакого отношения, за исключением сбора налогов и разрешения судебных споров, возникавших между участниками таких объединений. Договор товарищества здесь означает создание объединения, где участники преследуют различные цели. Такие товарищества имеют место и в Древней Греции, и в Древнем Риме. Они носили либо торгово-ремесленный характер, т. е. преследовали цель извлечения прибыли, либо цель была иной – совместная обработка земли, совместный наем пастуха для выпаса общего скота, совместное строительство путей сообщения и т. п. Существование товариществ, основанных на соответствующем договоре, было характерной чертой вышеуказанных цивилизаций – даже в Древней Спарте были периэки и существовали их объединения, во внутреннюю жизнь которых государство не вмешивалось. Несмотря на то, что законодательное регулирование данных объединений, особенно в Древнем Риме, было весьма детальным, оно имело, однако, известные границы. Во главу угла, несомненно, ставилось волеизъявление самих частных собственников – товарищей. Именно они решали все вопросы в рамках совместной деятельности. Е. М. Шукина отмечает, что «в Древнем Риме существовали две формы союзов, созданных для достижения общей цели: корпоративное учреждение (*universitas*) и общество (*societas*). Современные законодательства взяли из римского права в качестве прообраза современных простых товариществ именно *societas* с неполным объединением имущества, с объединением лишь части имущества, которая выступала в роли вклада участника в товарищество»². С данным утверждением полностью согласен К. К. Лебедев. В римском праве фигурируют некие прообразы юридических лиц – коллективные образования. Гай упоминает об объединениях для «совместного ведения дел, общего погребения и совместных священных трапез». Данные объединения назывались коллегиями,

и их создание разрешалось «особыми законами, сенатусконсультами и конституциями принцепсов»³. Современные исследователи истории римского общества, в частности Е. М. Штаерман, а также цивилисты, например И. П. Грешников, констатируют факт существования в Древнем Риме объединений, в сущности представлявших собой товарищества. Данными авторами выделяются такие признаки товариществ, как общие вещи, общая казна и представитель, ведущий общие дела⁴. Весьма показателен вывод, который делает И. П. Грешников по итогам характеристики товариществ эпохи Древнего Рима: «Во времена республики *societas* (товарищества) не считались “лицами”. Это были в основном объединения (общества) по ведению совместной торговли, строительству кораблей, проведению торговых караванов и другой деятельности. Участники *societas* заключали между собой особый договор, согласно которому они объединялись для ведения совместной торговли. Но *societas*, в отличие, скажем, от *universitas*, не составляло нового самостоятельного субъекта права, и по сделкам, совершенным сообществом, права и обязанности возникали у всех участников лично. Ряд общих черт делают *societas* похожим на известный нам договор простого товарищества или договор о совместной деятельности». Исследователи выделяют в классическом римском праве два типа товариществ: 1) товарищества по совместному проживанию и совместной деятельности по управлению общим имуществом возникали, как правило, между сособственниками (сонаследниками); 2) производственные товарищества, участники которых занимались совместной хозяйственной деятельностью. Они стали объединениями купцов и участников различных промыслов. Товарищи, объединив имущество для достижения общей цели, совместно извлекали прибыль и участвовали в общих расходах, сообща несли убытки. Среди римских юристов были разные мнения относительно возможности неучастия какого-либо товарища в убытках: «Существовало... большое сомнение, можно ли так составить товарищество, чтобы кто-либо получал выгоды в относительно большей степени, а в убытках участвовал в меньшей. Квинт Муций считал, что это противно природе товарищества. ...Но Сервий Сульпиций... считал что его можно составить даже таким образом, чтобы кто-либо вообще не участвовал в убытках, но имел долю в прибыли, если его труд считается настолько ценным, что было справедливо допустить его в товарищество на таких условиях»⁵. Римские юристы выделяли не только договор товарищества, но и товарищество как таковое, т. е. объединение людей на основе соответствующего договора. В Дигестах Юстиниана детально освещаются вопросы создания и прекращения товарищества. Ю. С. Любимов обоснованно полагает, что «римская юриспруденция, стремясь преодолеть ограниченность возможностей отдельного человека в достижении целей, использует две диаметрально противоположные конструкции». Ю. С. Любимов констатирует полную противоположность неправоеспособных товарищеских объединений (*societas*) корпорациям (*universitas*). Если первые являются «разрозненными», то во вторых «союзная идея превалирует над личным фактором». Товарищество «не существует вне своих членов», а корпорация «не разрушается выходом из ее состава даже всех ее членов и безразлична к перемене участников»⁶.

Специалисты особо отмечают то обстоятельство, что наибольшее развитие и распространение товарищеские соглашения получили в римском праве, носящем до известной степени космополитический характер и являющемся первоосновой, фундаментом современной цивилистики». Товариществом в Риме признавался консенсуальный контракт, по которому двое или несколько лиц объединялись для осуществления «известной общей дозволенной хозяйственной цели», участвуя в деле имуществом или личной деятельностью либо их сочетанием с тем, что прибыль и убытки от ведения общего дела распределяются между всеми товарищами в предусмотренных договором долях, а при отсутствии в договоре указаний – поровну. В Древней Греции товарищество являлось также распространенным правовым институтом. «В Афинах были весьма распространены различного рода объединения граждан, связанных

между собой договором товарищества. В. Мельгунов также называет ДПТ «древнейшим правовым институтом, дошедшим до нас из римского права». Договор этот, как правило, оформлялся в виде письменного акта. Участники договора делали вклады для образования общего имущества товарищества. Товарищи несли ответственность друг перед другом за убытки, причиненные умышленным или небрежным ведением дела»⁷. Товарищеские объединения обладали самостоятельной правосубъектностью. «Товарищества в Афинах пользовались правом приобретать через своих представителей недвижимость и прочее имущество. Доходы и убытки делились между членами товарищества согласно условиям договора, а при отсутствии [специально оговоренных условий] – пропорционально ценности их вкладов. Особо важную роль в жизни Афин играли многочисленные торговые товарищества – корабельные, банковские и др.», – констатирует П. Н. Галанз основную цель образования товариществ в Афинах⁸. Н. И. Клейн справедливо указывает, что ДПТ «послужил прообразом всех современных организационно-правовых форм предприятий, включая акционерное общество. Простое товарищество было первым юридическим инструментом, позволившим объединять имущество и капиталы для совместной хозяйственной деятельности двух или более лиц, каждое из которых рассчитывало таким образом сократить издержки и увеличить свою прибыль»⁹.

Учитывая отсутствие такой категории, как юридическое лицо, представляется верным утверждение, что все вышеприведенные примеры характеризуют объединения, в той или иной мере являвшиеся предшественниками современного простого товарищества.

Но если существование таких объединений и активная деятельность их участников не вызывает сомнения в отношении цивилизаций западного типа, то в отношении второго типа цивилизаций – восточного типа само существование подобных объединений выглядит на первый взгляд сомнительным. Эти цивилизации преимущественно являли собою пример всепоглощающего, самодовлеющего государства. Все отношения в таком государстве были подчинены в большинстве случаев одному источнику власти – воле единственного правителя. Круг приближенных был, как правило, довольно узок, институтов рабовладельческой демократии, которые имели место в Греции и Риме, не существовало. У подданных верховного правителя (царя в Древнем Вавилоне, фараона в Древнем Египте) не было того объема прав в сфере частной жизни, который позволял бы свободно распоряжаться своими способностями в деле управления собственным имуществом. И все же, несмотря на строгую централизацию материальных ресурсов, да и всей жизни, в законодательстве государств данного типа присутствовали нормы, закреплявшие если не договор товарищества как таковой, то соглашения, имевшие с товарищескими весьма значительное сходство. Так, в Законах Хаммурапи выделяется ряд правил о различных видах договоров в области частных отношений. Уже одно это обстоятельство позволяет утверждать, что в Вавилоне существовал слой относительно независимых от верховной власти царя частных собственников. Данные собственники вели самостоятельную торговую деятельность и вступали в различные объединения. Договоры, аналогичные по содержанию, встречаются и в Древнем Вавилоне: «Договор товарищества, как видно из дошедших до нас документов, заключался для различных целей, например для совместного предоставления займа, совместной покупки животного (вола, овцы)». П. Н. Галанз упоминает о долевого характере обязательств, вытекающих из участия в договоре товарищества: «Каждый товарищ полностью отвечал перед третьими лицами, если другой или другие не выполняли обязательства в своей доле». Судя по тому, что в соответствии со ст. 99 Законов Хаммурапи прибыли и убытки распределялись между товарищами поровну, можно предположить, что договор товарищества реально заключался между представителями одной социальной группы или равноправных социальных групп. «По-видимому, предполагалось, что взносы товарищей равны по своей ценности»¹⁰. Распределение полученного богатства происходило в храме, и это, несомненно, придавало еще большую силу договору. Кроме договора товарищества Законы Хам-

мурапи содержат своеобразный договор, который заключался между представителями двух групп населения, – договор тамкара с шамаллу. В системе (здесь данный термин применяется весьма условно) договоров выделяется договор тамкара с шамаллумом (шамаллу). Тамкар был обязан, в свою очередь, содействовать шамаллуму – давать советы, предоставлять сведения о возможностях торговли в той или иной местности. Таким образом, налицо если не совместная деятельность в ее классическом понимании, то определенный элемент таковой. Целью этих соглашений являлось извлечение прибыли. Шамаллу (шамаллумы) были мелкими торговцами, которые не только вели свои дела, но и на договорной основе выполняли поручения тамкара. Последние же являлись торговцами и владельцами капитала, который передавался во временное пользование шамаллу. В соответствии с Законами Хаммурапи «если тамкар даст шамаллуму хлеб, шерсть, масло или любое другое имущество для продажи, то шамаллум должен подсчитать серебро [прибыль] и вернуть тамкару. Шамаллум должен получить документ с печатью о серебре, которое он отдает тамкару». Вышеуказанный договор нельзя отождествлять «ни с договором товарищества, ни с договором поручения», но в нем очевидно наличие элементов, сходных с данными соглашениями¹¹.

Н. Рулан в исследовании сообществ Черной Африки также называет отдельные договоры, имеющие признаки совместной деятельности. Общинная модель уже сама по себе предполагает некие совместные начала многих видов экономической деятельности человека. Одним из видов договоров, которым данный специалист дает характеристику, является договор о совместном труде: «Будучи заключены между родственниками или неродственниками, они представляют собой временное или постоянное соглашение, предусматривающее временное использование рабочей силы и инструмента для осуществления сельскохозяйственных, строительных и других работ». Н. Рулан отмечает, что договоры в сообществах Черной Африки практически всегда являются реальными. В качестве примеров он упоминает кооперативный договор и договор о торговой экспедиции. Н. Рулан выделяет и момент заключения договора – начало работы над вещью (начало похода). Данный момент характерен для кооперативных договоров, а также договоров о торговых экспедициях¹². О том, что договоры о совместном труде и иные соглашения, имеющие сходство с договором о совместной деятельности, имели место в архаичных обществах, говорит также А. И. Ковлер.

Многочисленные источники свидетельствуют о существовании подобных договоров, предполагавших совместную деятельность и в других древних государствах. Так, в Древнем Египте «имели место... договоры товарищества, т. е. договоры, по которым участники объединяли свои средства для достижения какой-либо общей материальной цели»¹³. По другую сторону Атлантического океана на протяжении столетий существовали цивилизации, которые большинство ученых относит также ко второму типу, где публичные интересы превалировали над интересами частными. Но и в данных государствах (империя ацтеков, Тауантинсуйу, государство чибча-муисков), как отмечают многочисленные источники, основанные на свидетельствах конкистадоров, существовали объединения профессиональных торговцев. В государстве ацтеков, по свидетельству Бернардино де Саагуна, профессиональные торговцы (почтека) организовывали экспедиции, причем порой на весьма значительные расстояния. Очевиден совместный характер экспедиций – торговцы совместно распределяли между носильщиками товары, нанимали охрану, составляли маршрут движения каравана. В источниках отмечается также наличие совместных ритуалов религиозного характера, совершаемых перед торговыми экспедициями. Корпорации ацтекских купцов, существовавшие в каждом городе ацтекской конфедерации, создавались явно не по указаниям правящей, как правило военной, знати, а были результатом волеизъявления самих торговцев, совместно преследующих цель извлечения наибольшей прибыли. Некоторые источники позволяют также представить, что объединения, содержащие признаки товариществ, возникали независимо от связей между различными

регионами планеты, так как в древности торговых связей (и вообще никаких связей) между, например, Старым Светом и государствами доколумбовой Америки не было. Объединения торговцев в государстве ацтеков характеризовались следующим образом: «Судьи и контролеры были выходцами из особой социальной группы профессиональных торговцев, почтека. В их число не входила огромная масса уличных торговцев, лоточников, держателей прилавков. Почтека были странствующими купцами, занимавшимися весьма выгодной торговлей с так называемыми Жаркими землями на юго-востоке... В каждом из 10 городов ацтекской конфедерации имелись свои почтека, их корпорации управлялись несколькими престарелыми купцами, которые больше не ходили в торговые походы (цель договора). Караваны вели опытные торговцы... Их сопровождали молодые ученики... В долгих экспедициях, занимавших несколько лет и достигавших территории современной Панамы, решающую роль играли... переодетые торговцы. Они могли говорить на языках отдельных народностей и, таким образом, играть роль шпионов...», о развитии торговли у ацтеков свидетельствует Бернардино де Саагун. Очевидно, что речь идет о договорах, которые заключались для организации торговых экспедиций, отправлявшихся на весьма значительные даже по современным меркам расстояния. «К длительной экспедиции необходимо было тщательно подготовиться. Ацтекские товары, предназначенные для обмена... собирали вместе и распределяли между носильщиками, которые за день могли переносить тяжелый груз на 30–40 миль...» – описывается множество совместных действий, и, несомненно, что каждый участник похода извлекал выгоду из общего дела. Примечательно, что сложность таких соглашений у ацтеков увеличивалась еще и в связи с многочисленными совместными ритуалами, которые должны были выполнять торговцы перед походом и после него. Источники, повествующие о развитии торговли у ацтеков, свидетельствуют о совместной деятельности по организации торговых караванов (экспедиций), и цель получения дохода от данных предприятий не вызывает сомнения¹⁴. Но главным признаком, позволяющим провести некоторую аналогию торговых экспедиций почтека с современными товариществами, является добровольность создания таких экспедиций. Торговые объединения создавались не по указаниям вождей, а исходя из волеизъявления самих почтека.

Существование совместной деятельности в различных сферах хозяйствования отмечается и у народов, еще не имевших государства, причем у народов, разделенных тысячами километров. Существовавшие у коми-зырян промысловые объединения весьма детально изучены С. А. Токаревым. Ученый также приводит весьма интересную деталь – в каждой «артели» должен был присутствовать колдун – для того, чтобы с помощью магических действий способствовать удачной охоте. Институт совместной деятельности в промысловых целях, вне всякого сомнения, существовал у многих народов еще до появления государства. С. А. Токарев характеризует совместную охоту у народа коми следующим образом: «...охотничий... промысел часто сопряжен с риском неудачи... Зыряне охотились артелями, и руководитель (хозяин) артели должен был быть непременно еще и колдуном; именно этим его свойством объясняли умение найти богатые угодья, дать хорошую добычу всей артели»¹⁵. Примечательно, что и здесь роль представителей религии весьма значительна.

В большинстве случаев налицо деление товарищеских (и им подобных) объединений на две группы по признаку общей цели. Первую группу составляли товарищества, созданные купцами для совместной торговли. Их цель состояла в максимизации прибыли. Такие объединения, как отмечают современные исследователи, в частности И. П. Грешников, явились прообразом договора простого коммерческого товарищества. Объединения второй группы не являлись предпринимательскими – их цель не была связана с получением прибыли. В данном случае объединялись не лица, принадлежащие к торговому сословию, а представители различных слоев общества. Даже торговцы участвовали в данных объединениях не в качестве таковых, а в качестве представителей определенной территориальной единицы (если речь шла, например, о совместном строительстве дороги) и т. п. В древних обществах существо-

вало множество видов товарищеских объединений, спектр деятельности которых был весьма широким. Юридически такие объединения были добровольными. Однако фактически причиной создания таких объединений зачастую являлись неблагоприятные условия жизни: постоянные войны; угроза порабощения; невозможность в одиночку производить достаточное количество продукции. Отечественному праву также были известны объединения, обозначенные впоследствии как товарищества. Представляет интерес то обстоятельство, что первые свидетельства о наличии купеческих объединений в русских землях появляются еще до создания единого русского государства. Так, Ибн Фадлан сообщает о совместных путешествиях русских купцов¹⁶. При всей неточности, слабой достоверности известий Ибн Фадлана очевидно, что в его «Книге» описаны экспедиции русских купцов либо их ближайших соседей (волжских болгар). Совместные экспедиции осуществлялись не только по пути «из варяг в греки», но и по волжскому торговому пути. Как отмечают Т. В. Ламм, А. Б. Савельев и Е. М. Щукина, в русском государстве традиционными являлись складные торги, или складчина. Такая форма торговли также позволяла купцам организовывать дальние экспедиции и получать прибыль в большем размере, чем единоличная торговля. При этом участники складчины солидарно отвечали по обязательствам, возникшим вследствие такой торговли. Прибыль распределялась между купцами в соответствии с вкладом каждого участника в общее дело. Характерной чертой правового регулирования купеческих объединений в нашей стране в X–XVII вв. являлось отсутствие их законодательного закрепления. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что уже в Киевской Руси существовало значительное количество объединений купцов, осуществлявших как внешнюю, так и внутреннюю торговлю.

Таким образом, право многих древних государств и народов регулировало отношения товарищества, к традиционным особенностям которых относятся следующие: 1) товарищество уже в первичных, наиболее древних формах представляло собой объединение людей на предмет совместной деятельности, где существовали особые лично-доверительные отношения; каждый участник такого объединения, как правило, лично знал других участников и все они присутствовали при заключении договора; 2) институт товарищества в римском праве не являлся неизменным; наиболее древней формой товарищества в Риме являлись *consorcium*, т. е. соглашения между братьями после смерти их отца о продолжении общего хозяйства; в дальнейшем происходит разделение товариществ на определенные виды в зависимости от цели создания: сельскохозяйственные, корабельные, торговые; 3) на первых этапах становления и развития товарищеских объединений большое значение имели религиозные нормы; обряды практически всегда сопровождали заключение договора; данные нормы рассматривались в качестве своеобразного предупреждения участнику о недопустимости каких-либо нарушений договора.

1.2. Товарищеские объединения в гражданском праве России. Становление и развитие

Прежде чем проследить процесс становления и развития объединений, являвшихся предшественниками простого товарищества, в России, необходимо дать краткую характеристику терминов «товарищество» и «товарищ» в лингвистическом аспекте. Толковые словари русского языка содержат практически одинаковые определения. Слово «товарищ» характеризуется следующим образом: 1) человек, участвующий с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т. п.; сотоварищ, член торговой или промышленной компании, компаньон; 2) человек, связанный с кем-либо по роду деятельности, занятий, месту службы, учебы; 3) человек, связанный с кем-либо узами дружбы, близкий приятель, друг. Соответственно товариществом признается: 1) группа лиц, объединенных общей деятельностью, общими занятиями, коллектив; 2) взаимоотношения между членами какого-либо коллектива и обязанности каждого по отношению к другим; 3) компания, общество; 4) организация равноправных участников, артель; 5) совместное дело, общее дело, предприятие¹⁷. Из приведенных определений очевидно, что товарищ – участник какой-либо совместной деятельности, а следовательно, участник соответствующих договорных отношений.

Правовое регулирование отношений товарищества, возникших в отечественном гражданском и торговом обороте, берет начало в обычном праве, появившемся еще до возникновения государства. Если принять во внимание справедливую мысль, высказанную практически всеми цивилистами, согласно которой договор товарищества встречается в истории всюду, куда достигает глаз исследователя, то уместно предположить, что товарищеские объединения существовали еще в архаическом праславянском праве. Исследователи истории права различных славянских народов, в частности Н. П. Загоскин, указывали на присутствие в правовых системах различных славянских государств сходных по характеру норм о договоре товарищества¹⁸. Товарищеские объединения возникли в глубокой древности, когда происходило становление славянства как этнической общности.

Первые достоверные сведения о товарищеских объединениях относятся к X–XI вв., когда начинается процесс формирования мелкотоварного производства и происходит все большее отделение ремесла от сельского хозяйства. Б. А. Колчин, А. В. Семенова, другие исследователи называют причины, заставившие русское купечество объединяться: общие экономические интересы, трудности дальней торговли, притеснения феодальных властей. «... В XI–XII вв. на Западе формируются первые постоянные купеческие гильдии. Сходные процессы происходили и в древнерусской купеческой среде»¹⁹. В источниках выделяются группы купцов: гречники; залозники и др. Объединения купцов на первых этапах развития не подвергались такому административному давлению со стороны государства, как впоследствии. Целью их являлось совместное извлечение прибыли. Организация крупных торговых караванов, наем матросов, охрана от нападений кочевников требовали значительных финансовых затрат и поэтому объединения купцов для совместных торговых экспедиций были объективной необходимостью. Религия также играла значительную роль в отношениях купцов. В целом значение религии сводилось к следующему: 1) совместное строительство патрональных храмов; 2) отчисление купцами части прибыли в пользу храма (имеются в виду добровольные отчисления, не имевшие ничего общего с церковными сборами за совершение обрядов); 3) функционирование в составе церковных комплексов постоянных дворов, где останавливались приезжие купцы; исследователи отмечают, что церкви и торг часто «располагались рядом»²⁰; 4) хранение в зданиях храмовых комплексов общих денежных средств и даже использование отдельных специально предназначенных для этого помещений в храмах в качестве товарных складов²¹.

Отношения внутри объединений купцов регулировались практически исключительно обычаями. На основе обычаев определялись форма договора, размер капитала, в рамках общей цели определялись конкретные задачи объединения (складчины, складыны). Татаро-монгольское иго стало существенным тормозом развития деятельности купечества большинства русских городов, за исключением Новгорода и Пскова. Освобождение от монгольской зависимости, становление централизованного государства на Руси сопровождалось созданием единой системы законодательства (Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.). Русское государство находилось в обстановке постоянных войн с остатками Золотой Орды и литовцами. Необходимость содержания войска, оборонительных мероприятий, военных походов заставила государство усилить административный нажим на купеческие объединения. Увеличилось количество государственных повинностей, практиковалось даже насильственное переселение купцов из одной местности в другую. В контексте нашего исследования представляют интерес материалы, свидетельствующие о переселениях не отдельных купцов, а целых торговых объединений. Комплексное исследование В. Н. Булатова, посвященное истории и экономике Русского Севера, содержит следующий любопытный факт: «...Поступило указание из Москвы переселить в Архангельск двинских “торговых людей”, которым надлежало “жить на посаде” и в “новом городе торговати”. В 1587 году было переселено двадцать шесть купеческих “товариществ”: шесть – из двинских городов, в основном из Холмогор, двадцать – из черных волостей». Из исследования В. Н. Булатова становится очевидным факт существования купеческих объединений, которые, однако, подвергались сильному административному воздействию. Соглашения купцов и членов их семей не требовалось при переселении из одного населенного пункта в другой²². Данное обстоятельство отмечает также Е. И. Овсянкин: «Судя по грамоте воеводы князя... Звенигородского “переведенцы” в Новохоломгорский посад... являлись членами... купеческих товариществ (складничеств)... в каждом из купеческих товариществ насчитывалось в среднем по 4–5 купцов-складников²³. В некоторых источниках встречаются сведения, что капитал в складчину могли давать и князья, но данный факт является скорее исключением, нежели правилом²⁴.

Более активная политика государства в отношении купеческих сообществ наблюдается в XVII в. Ю. Б. Шубников отмечает, что именно в XVII столетии широкое распространение получают промысловые артели. Причем те участники артелей, которые не имели средств для внесения вклада имуществом, вкладывали в общее дело личный труд («простые артельщики»), а более зажиточные участники артелей вносили также имущество²⁵. Именно тогда правительство сначала Михаила Федоровича, а затем – Алексея Михайловича разрабатывает и принимает множество нормативных актов, регулирующих развитие промыслов и торговли. Исследователи высказывают вполне справедливые мысли о преобладании фискальных мер со стороны государства по отношению к торговле вообще и к торговым объединениям в частности. А. Г. Маньков, изучив нормы Соборного уложения 1649 г., Торгового устава 1653 г., а также Новоторгового устава 1667 г., делает вывод о стремлении государства поправить свое финансовое положение за счет бурно развивавшейся торговли. Характерной чертой являлось принудительное объединение торговцев по инициативе государства: «Заметное место в законодательстве о торговле после 1667 г. занимала регламентация стихии мелкой розничной торговли, преимущественно в Москве, но не только в ней... Закон предписывал торговать только в указанных местах – в рядах и лавках. Лавки расписывались по рядам, а товары – по рядам и лавкам в соответствии со строевыми лавочными книгами. Во главе рядов стояли старосты, на которых возлагался контроль за соблюдением порядка торговли. Запрещалось отводить торговые места безденежно, а освободившиеся места... вновь продавать...» – констатирует А. Г. Маньков²⁶. Многочисленными запретительными мерами правительство пыталось искоренить спекуляцию. Объединения перекупщиков преследовались: «Регулирование стихии внутреннего

рынка выражалось и в запрете скупки и спекуляции съестными припасами. Боярский приговор 1694 г. запрещал под страхом “жестокое наказания и вечного разорения” перекупать привозимые крестьянами товары: чтобы “скупщики, складчики и кулатчики” у “приезжих торговых людей, сложась, мяс, и рыбы, и сена, и золы... большими статьями для своих прибылей и прихотей не скупали”. Из документов становится очевидным присутствие объединений перекупщиков товаров, причем цели создания таких объединений считались незаконными. В основном государство стремилось не допустить роста цен и чрезмерной концентрации капитала в руках немногих перекупщиков. Явлением, также характерным именно для XVII века, было противостояние иностранных и русских купцов, имевшее многие причины. С целью оказать влияние на правительство в деле ограничения торговли иностранцев, от которой русские купцы и ремесленники “оскудевали” и страдали “от обиды”, последние неоднократно обращались к царю “с челобитьем”²⁷. Многие авторы указывают на коллективный характер обращений к верховной власти. Причем порой челобитные купцов поддерживались дворянами: «...Указ от 1 июня 1649 г. отменял беспощинную торговлю для англичан... в 1648 году имело место челобитье купцов с просьбой ограничить торговлю иностранцев только Архангельском... оно было поддержано отдельным челобитьем дворян, проявивших... заботу о русских купцах». Р. К. Гайнутдинов отслеживает даже динамику подачи обращений купцов к властям: «...Хорошо известны челобитные 1627, 1634, 1635, 1638, 1646 гг.» и отмечает «рост возмущения русских купцов» не всегда оправданным предоставлением льгот иностранцам²⁸. Позже, в XIX в., противостояние утрачивает остроту и образуются даже объединения, в которых товарищами были русские и иностранные купцы²⁹.

Е. В. Чистякова в своих исследованиях приводит обзор документов, послуживших принятию Новоторгового устава 1667 г.: «Наиболее важна в этом отношении вторая память в съезжую избу, текст которой был передан в Статьи о городском устройстве»³⁰. Она отмечает, что принцип отстранения воеводы от управления торговыми делами стал воплощаться на практике во 2-й половине XVII в. на основе изучения деятельности А. Л. Ордина-Нащокина на посту псковского воеводы в 1665–1666 гг.: «Руководство торговлей и таможенными делами передавалось в руки гостей и купцов поволжских и сухоно-двинских городов». А. Г. Маньков выявляет немаловажный факт: «Во второй псковской памяти Ордина-Нащокина выражена идея организации торговых компаний с охватом ими и маломощных купцов, что нашло отражение в преамбуле к Новоторговому уставу»³¹. По всей видимости, компании должны были возглавлять наиболее зажиточные представители купечества. По вышеуказанным причинам становится вполне понятной и цель организации таких компаний – совместное отстаивание экономических интересов русских купцов против иностранных монополистов. Однако в качестве основного вывода относительно русского законодательства XVI–XVII вв. автор считает необходимым отметить практически полное отсутствие государственного регулирования именно тех купеческих объединений, которые создавались на частной, добровольной основе. В основном мы видим корпоративные сообщества купцов: сотни, ряды и др. Данные сообщества организовывались по инициативе государства в чисто фискальных целях – контроль, сбор налогов, и невозможно провести какую-либо аналогию с товариществами. Вместе с тем многие специалисты отмечают и наличие таких купеческих объединений, которые организовывались по инициативе самих купцов. При отсутствии правового института юридического лица данные объединения в наибольшей степени соответствовали именно простым товариществам. А. В. Семенова констатирует: «Объединения купцов для торговли, компании, или “складные торги”, существовали с давних пор и являлись одним из способов, обеспечивающих большую устойчивость капиталов, гарантией от разорения»³². Данное утверждение практически полностью совпадает с точкой зрения Е. М. Щукиной и А. Б. Савельева. Исследователи подчеркивают, что складчины являлись следствием отсутствия банковской системы в течение долгого вре-

мени. Коммерческий банк, например, был учрежден в Петербурге только в 1754 г.³³ Многие авторы называют в числе основ организации складчин или добровольных компаний семейные или деловые связи. Как правило, «складочные помещения» (места хранения приобретенных на условиях складчины товаров) легче было держать по месту жительства одного из складчиков³⁴. При отсутствии законодательного регулирования со стороны государства «складные торги» или объединения купцов для совместной торговли регулировались обычаями делового оборота. Представляется справедливым следующее утверждение Р. К. Гайнутдинова: «...Прогнозировавшая в стране активизация торгово – промышленной жизни все больше тормозилась правовой необеспеченностью этого процесса»³⁵.

В Петровскую эпоху идеи меркантилизма, пришедшие с Запада, были в определенной мере реализованы в России, в том числе и в области торговых купеческих объединений. А. В. Семенова цитирует Указ Петра I 1699 г. о компаниях («кумпанствах»): «...Петр I...повелел “купецким людям торговать так же, как торгуют в иных государствах, компаниями... отчего надлежит быть казны пополнение”». Однако «несмотря на... указы и поощрительные меры правительства, как, например, предоставление кредита преимущественно компаниям, организация “компанейского торга” в XVIII в. все же не была поставлена на уровень государственной политики, подобно тому, как это было в странах Западной Европы»³⁶. Купцы далеко не всегда желали объединяться в компании. Как отмечено Н. Н. Фирсовым, «трудно было боязливым русским купцам решиться на вкладывание своих капиталов в компанейское торговое дело, если они не могли быть уверены даже в сохранности своих капиталов»³⁷. В. Н. Булатов справедливо выделяет характерную черту петровского времени: наличие большого количества носивших чрезвычайный характер повинностей, которые возлагались на купеческие товарищества. В первую очередь речь идет о возложении на товарищей расходов по строительству кораблей. На товарищества возлагалось также содержание рабочих, занятых на строительстве Петербурга³⁸. Такое количество сборов и повинностей в пользу государства многие авторы объясняют необходимостью крупных расходов, связанных с постоянными внешними войнами. Но в итоге необходимо констатировать факт, что войны велись за обладание выгодными в торговом отношении территориями и в конечном итоге велись не только в пользу государства, но и в пользу купечества. Права и законные интересы купеческих объединений могли быть достойно реализованы только при наличии серьезных гарантий со стороны государства, и в том числе военной силы. По нашему мнению, следует обратить внимание на две характерные детали в создании компаний в XVIII столетии: 1) учреждение компаний при прямых «призывах» к этому высшей государственной власти³⁹; 2) кредиты компаниям предоставлялись довольно часто из государственной казны. Причем кредиты не всегда возвращались в казну.

Особое внимание уделялось привилегиям, которыми обладали компании, организованные по инициативе или при участии правительства. Они могли освобождаться от пошлин, постоя, других государственных повинностей. Некоторые аналогии торговых компаний XVIII в. с товариществами провести можно. В частности, налицо общие интересы государства, по крайней мере, декларировавшего поддержку национального капитала, и самих купцов, искавших у государства защиты. С другой стороны, государство стремилось создавать торговые компании, порой просто подражая Европе. Государственные деятели редко задумывались о последствиях, к которым может привести копирование западного опыта, в том числе и в области торговли.

Наряду с созданием крупных привилегированных торговых компаний существовали предпринимательские объединения, создаваемые купцами на свой страх и риск. Данные связи имели характер совместной деятельности. Любопытно, что такие объединения возникали в торговле с теми странами, с которыми Россия почти постоянно воевала. По словам А. В. Семеновой, «...в то время, когда Коммерц-коллегия еще только ставила вопрос о желательности

прямых торговых связей с Турцией, отдельные купцы на свой страх и риск окольными дорогами пробирались с товарами в Константинополь». Далее вышеуказанный автор говорит о купце Журавлеве, организовавшем в 1740-е гг. три торговые «посылки» в Константинополь. В источниках упоминается также купец Пирожников, который «совместно с братом и другими купцами» на протяжении 1750-х гг. возил товары в Константинополь. В составе компаний присутствовали «негласные компанейщики», не принимавшие участия в предпринимательской деятельности, но вкладывавшие в дело капитал и в некоторых случаях использовавшие связи с представителями власти⁴⁰.

Во второй половине XVIII в. в законодательном регулировании объединений купцов происходят определенные изменения. С одной стороны, правительство высказывается «против различных монополий в области торговли». С другой стороны, объединения «малокапиталистских» купцов считаются оптимальной формой торговли. «Реальное и многократное умножение капиталов... давала компанейская форма торговли. Вот почему и в последующие десятилетия, вплоть до конца XVIII в. в многочисленных проектах развития внешней торговли, вышедших из правительственных и купеческих кругов, компанейский торг рассматривался как наилучшее средство активизации торговой деятельности купечества»⁴¹. Исследования деятельности различных торговых компаний, возникавших как по инициативе государства, так и по инициативе самих купцов на протяжении всего XVIII столетия, проведенные историками и правоведами, свидетельствуют о трех типах объединений: 1) компании, учреждаемые купцами по собственной инициативе, в которых отношения между участниками регулировались обычаями делового оборота; 2) компании, создававшиеся по прямой инициативе органов государственной власти (таким органом являлась коммерц-коллегия) и имевшие монопольное положение на рынке; 3) компании, создававшиеся при поддержке государства, но не имевшие монопольного положения, а пользовавшиеся лишь покровительством органов власти в отдельных случаях.

Компании часто создавались по признаку географии торговых интересов. А. В. Семенова, И. В. Савельев в своих историко-правовых исследованиях характеризуют правовую основу существования Средиземноморской, Нижегородской, Персидской, Российско-Американской и ряда других торговых компаний. Компании функционировали на договорной основе: «Исходя из формы документа, все контракты условно можно разделить на две группы: в одном случае, глава компании заключал с каждым компаньоном отдельный договор, где перечислялись их взаимные права и обязанности, в другом составлялся единый документ, содержащий права и обязанности всех компаньонов. Большинство контрактов следует отнести ко второму типу»⁴². Очевидно, что контракты второго типа были предшественниками многосторонних товарищеских договоров.

Некоторые царские указы свидетельствуют о существовании особых мер со стороны государства, получивших название «авантаж». Указ Елизаветы Петровны от 02.03.1755 содержал запрос к купцам относительно желающих составить компанию для торговли с Османской империей. «Охотники» появились по прошествии времени – через два года. В некоторых случаях компанией называлось оформление особых прав купеческих товариществ, существовавших до учреждения компании⁴³.

Складные торги XVIII столетия, как и на более ранних этапах, «...возникали на основе семейных или чисто деловых связей». Наиболее распространенными формами приложения совместных усилий купцов были торговля и строительство зданий. Иностранные купцы, торговавшие в России, также действовали в рамках «семейных корпораций»⁴⁴.

В законодательстве XVIII в., как уже отмечалось, прослеживается любопытная тенденция. Одновременно проводится как жесткое регламентирование создания и деятельности торговых объединений, так и поощрение их создания с предоставлением союзам и товариществам в торговой деятельности различных льгот.

В первой половине XIX в. распространение получают такие формы торговых объединений, как полное товарищество и товарищество на вере. Оба вышеуказанных вида товарищества назывались торговыми домами. Для организации товарищества необходимо было заключить договор в соответствии со ст. 63 Устава торгового и ст. 2132 Законов гражданских. Кроме данных видов товарищества создавались также паевые товарищества, которые со временем трансформировались в акционерные общества. Как отмечает Ю. С. Любимов, именно товарищество было первоначальной формой торгово-промышленного объединения, где личный элемент преобладал над объединением капиталов. Но в данный период прослеживается все более явная тенденция к выходу предпринимательского дела за рамки одной семьи, когда в составе многих компаний присутствует большее количество участников, нежели в предыдущую эпоху. Тем не менее товарищество во многих случаях остается востребованной формой ведения предпринимательской деятельности. Появляются также иные формы – товарищество кооперативное, товарищество артельное, товарищество трудовое. В конечном итоге эволюция данных видов товарищества и привела к появлению такой его разновидности, как товарищество общее или простое⁴⁵.

Вторая половина XIX в., точнее – период после отмены крепостного права в 1861 г., стала временем формирования основ российского капитализма – соответственно появились и новые цивилистические конструкции, ранее неизвестные, а известные ранее наполнялись новым содержанием. Свод Законов гражданских предусматривал три вида товарищества: товарищество полное, товарищество на вере, компания на акциях (товарищество акционерное). Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, предметом товарищества являлось «предприятие по торговле, по страхованию, по перевозкам и вообще по промышленности»⁴⁶. Акционерной компании присваивалась юридическая личность, а товарищество полное и товарищество на вере объединялись «внешним образом в фирме». В соответствии с предметом нашего исследования представляется целесообразным обратить внимание на проблему, существовавшую в начале прошлого века. Проблема состояла в отсутствии законодательного регулирования других видов товарищества. К. П. Победоносцев так характеризовал проблему: «...Остается вовсе неизвестным, – вне законного определения, – как разуметь те многочисленные виды товарищества, которые существуют в гражданском быту нашем, устраиваясь для различных потребностей, – имеют свое хозяйство и входят в юридические отношения и обязательства. Некоторые из таких сообществ, поколику имеют в виду цель общественную (напр., ученые, благотворительные, собрания, клубы), требуют устава, утверждаемого правительством, и относятся к области общественного права. Но собственно гражданские сообщества, не подходящие под признаки товарищества полного, остаются без определения. Можно сказать только, что договор этого рода, в пределах общего правила 1528 ст., законен и действителен между сторонами, в него вступившими; что письменная форма, а тем более явочная, не безусловно необходима для признания его действительным и может быть нужна лишь как удостоверение условий соглашения; что простое товарищество само по себе не имеет юридической личности и не предполагает солидарного отношения между участниками относительно сторонних лиц, вступающих с ними, по общему их делу, в соглашения и обязательства; что имущество, принадлежащее такому товариществу, как фонд для общей деятельности, должно почитаться общим, и распоряжение им, в отсутствие особых условий, совершается по закону общей собственности»⁴⁷. Товарищества различались также по отраслевому признаку: 1) товарищество для совместной постройки (покупки) корабля (регулюровались ст. 171–182 Устава торгового) – в рамках такого товарищества предполагалась дальнейшая совместная эксплуатация корабля; 2) товарищество для производства золотого промысла (регулюровались ст. 437, 478 Устава горнозаводского); лицам, «имеющим уже смежные заявки», дозволялось «по получении документов, составлять между собой товарищества»; 3) товарищества по вступлению в договор казенного подряда или

поставки (регулирувались ст. 3 Положения о казенных подрядах). Не все товарищества признавались юридическими лицами. Существовали многочисленные неправосубъектные товарищества, которые были «мало формальными», вместе с тем в их составе предприниматели объединяли значительные капиталы. По мере формирования института юридического лица потребовалось более детально определить положение товариществ, не являвшихся самостоятельными субъектами права. За такими товариществами со временем было закреплено название «товарищество общее» или «товарищество простое». Как указывали А. М. Гуляев и А. П. Башилов, такое название было дано по причине того, что порядок заключения и прекращения договора товарищества был довольно простым. Участники не были намерены создавать юридическое лицо. Не было необходимости в разработке и утверждении устава. Совместная деятельность товарищей строилась исключительно на договоре. В соответствии со ст. 2135 Законов гражданских простым признавалось «такое товарищество, в котором товарищи участвуют в прибылях и убытках по всем сделкам, относящимся к общему предприятию и заключаемым кем-либо из товарищей, но перед третьими лицами каждый товарищ отвечает лишь в силу заключенного им с этими лицами договора»⁴⁸.

Многие выдающиеся изыскания того времени, в частности труды В. Я. Максимова, П. А. Соколовского, А. Л. Федорова и других ученых, в конечном итоге сфокусировались в законодательном плане в виде проекта кодифицированного акта общероссийского значения. Таким актом должно было стать Гражданское уложение Российской империи. Проект Гражданского уложения был составлен в 1913 г. Общая характеристика Проекта дана С. С. Алексеевым, который справедливо считает Проект выдающимся памятником российской правовой мысли⁴⁹. Таким образом, простое товарищество в Проекте понималось как объединение двух или нескольких лиц в целях извлечения выгоды от ведения совместного предприятия либо с иной целью, не противной закону. Товарищи не создавали новое юридическое лицо, объединяли имущественные вклады на основе заключенного договора. В силу норм Проекта договор должен был заключаться в письменной форме. Договор между товарищами должен был считаться заключенным в момент согласования условия о вкладе, а также условия о характере цели совместной деятельности.

Как указывал К. П. Победоносцев, простое товарищество создавалось с целью организации «общего производства, а также с иной целью по имуществу». И. М. Тютрюмов называет «договор, аналогичный договору товарищества» и относит к таким договорам «соглашения о совместной постройке дома, об уборке хлеба, о совместном производстве кирпичей». Особой разновидностью простого товарищества признавалось товарищество анонимное, форма, существовавшая современному негласному товариществу⁵⁰.

В дореволюционной России произошло становление простого товарищества как одной из форм предпринимательской (торгово-промышленной) деятельности. Вместе с тем в России на протяжении столетий существовали многочисленные объединения, которые создавались не купцами, а представителями иных групп населения. Даже наиболее древняя форма товарищества – складничество возникала не обязательно в сфере торговли. Как указывали М. Островская и В. Сыроечковский, складничества возникали «для совместного ведения сельского хозяйства, промысла и торговли»⁵¹. Таким образом, складничество имело место не только среди купцов, но и среди крестьян. Промысловые товарищества (артели) объединяли преимущественно крестьянское население. Целью деятельности таких артелей являлось извлечение дохода, но такой доход имел мало общего с прибылью купцов. К тому же в качестве вклада в совместную деятельность здесь во многих случаях присутствовал личный труд участников. Большинство русских цивилистов второй половины XIX в., в частности С. В. Пахман, считали артель видом товарищества. Промысловые артели могли возникать в силу устного договора, что объяснялось неграмотностью большинства участников. По обоснованному мнению С. В.

Пахмана, причиной возникновения промысловой артели довольно часто являлось «случайное столкновение промышленников одного села»⁵². По существовавшему обычаю при столкновении крестьян, занимавшихся лесным или морским промыслом, они начинали осуществлять совместный промысел, чтобы не возникало конфликтов. С. В. Пахман называл такую ситуацию «вынужденным договором», отмечая при этом, что «полуинстинктивное» стремление крестьян позволяло справедливо разрешить противоречия, возникавшие из-за ограниченного количества ресурсов, являвшихся объектом промысла. Другой исследователь русских промысловых объединений – П. С. Ефименко также упоминал о том, что в артели объединялись преимущественно крестьяне, проживавшие в одной местности⁵³. Тем не менее артели не всегда являлись объединениями полноправных участников. С. В. Пахман указывал на наличие «приготовительных ступеней» в составе артели, в том числе «новичков» – артельщиков, только что вступивших в товарищество, наемных работников. Основанием для возникновения «составления» артели являлся покрутный договор («покрут»), в соответствии с которым «хозяин» уплачивал долги рядового участника артели, предоставлял все снасти для лова рыбы или иного промысла, а покрученник (покручик) обязывался работать на промысле за определенный «пай» – часть улова (добычи). «Покрут, т. е. наем не из жалованья, а из определенного пая в будущем улове, составляет повсеместное явление... и существует с незапамятных времен...». П. С. Ефименко определял в качестве сторон договора хозяина и работника. Вместе с тем их отношения не являлись отношениями найма, так как доля (пай) каждого покручика зависела от слаженности совместных действий. Отношения, возникавшие в ходе промысла, были родственны отношениям товарищества. Поэтому имеет смысл утверждение, согласно которому отношения внутри промысловой артели были неким средним вариантом между отношениями найма и отношениями товарищества. Следует согласиться с утверждением Е. М. Щукиной, согласно которому «отличительной чертой артели в русском праве было то, что личное доверие участников друг к другу не имело того значения, как в римском праве и в современном простом товариществе»⁵⁴. В артель объединялись люди, живущие в одном месте и поэтому занимавшиеся промыслом на одной территории. П. С. Ефименко также детально изучал христианские обряды, которые совершались артельщиками при выходе на промысел. В одной из местностей Русского Севера, Сумском Посаде, перед походом в море все молились «в сторону, обращенную к Соловецкому монастырю»⁵⁵. Более того, обрядами сопровождалось не только создание товариществ, артелей, но и заключение многих других договоров – купли-продажи, займа. Народные обычаи регулировали и иные формы промысла, организация которых осуществлялась на основе договоров, в сущности являвшихся договорами о совместной деятельности, – «котляна» и др. В литературе историко-правового характера содержится крайне мало сведений о таком любопытном феномене, как древнерусское промысловое объединение. Такие объединения в большинстве источников именуются ватагами. Историки подчеркивают то обстоятельство, что данные объединения являлись в своем роде уникальными. Их участники преследовали цель, которая могла меняться в зависимости от окружающей обстановки. Так, новгородские ватаги, направлявшиеся в Заволочье и в Зауралье в XI–XV вв., стремились освоить новые земли, получить дань с местного населения, наладить меновую торговлю, извлечь доход от лесного промысла⁵⁶. Как указывал в своих сочинениях Олаф Магнус, «в работе по строительству лодок и вооружению собравшейся ватаги принимали участие все ее члены, и каждый хорошо знал свои обязанности»⁵⁷. По нашему мнению, ватаги, существовавшие в Древней Руси, можно с определенными оговорками признать предшественниками промысловых (трудовых артелей). Так, в Сибири «промысловые артели формировались в основном из представителей северных уездов России» – историки проводят определенную связь между экспедициями новгородцев на Север и последующим освоением Сибири. В XVI в. «ватаги вольных казаков-судовщиков» нанимались на различные работы в мастерские, в том

числе принадлежащие казне и монастырям⁵⁸. Ватага являлась одной из первоначальных, ранних форм совместной деятельности. Трудности военно-торговых и промысловых экспедиций требовали товарищеских отношений внутри данного объединения. Об этом свидетельствуют многочисленные обозначения ватаг в источниках: «...Василий Юдин и Михайло Неупокоев с товарищами...»; «...Инюта Поплевин с товарищи...»⁵⁹. К. П. Победоносцев также отмечал данную деталь: «...Без особых записей было в обычае рядиться на службу или на дело целою совокупностью людей, в виде товарищей (такой-то с товарищи), причем и ответственность определяется обыкновенно совокупная (взять на том, кто будет в лицах)»⁶⁰. Причем по ходу переселения на новую, неосвоенную территорию ватага трансформировалась в нечто большее, чем просто торгово-промысловая экспедиция. Возникали поселения, органы самоуправления, выборные военные предводители начинали выполнять функции должностных лиц.

Таким образом, с определенной долей условности можно утверждать, что ватаги, объединявшие землепроходцев, представляли собой зачаточные формы промысловых артелей, кооперативных, артельных (трудовых) товариществ. В современном гражданском законодательстве России наблюдается определенная преемственность указанных форм товарищества – разновидностью коммерческих организаций является производственный кооператив (артель). Вместе с тем определенное развитие получили и формы совместного промысла, не являющиеся юридическими лицами. Одной из форм совместной деятельности производственных кооперативов является простое коммерческое товарищество. Следовательно, формами совместной деятельности, предшествовавшими простому коммерческому товариществу, являлись не только складные торги, но и промысловые артели, которые до XX в. не признавались юридическими лицами.

В рамках нашего исследования нельзя обойти вниманием процесс возникновения иной формы простого товарищества – товарищества некоммерческого (гражданского). По справедливому суждению Е. М. Шукиной, ДПТ «оформлял традиционные для России общинные отношения». Многие специалисты считают традиционным деление простых товариществ на торговые и неторговые⁶¹. Вместе с тем не следует отождествлять крестьянскую общину и гражданское товарищество. Во-первых, крестьянская община с течением времени все более существовала не как форма совместной деятельности крестьян (хотя совместная деятельность существовала), а как форма самоуправления⁶². Исследователи говорят также о том, что внутри общины существовали более локальные объединения крестьян. Такие объединения были относительно малочисленными. Они назывались по-разному. П. С. Ефименко говорит о «помочи», как особом договорном объединении, которое создавалось соседями или родственниками с целью совместного производства каких-либо ремонтных, сельскохозяйственных или иных работ⁶³. Община же предполагала совместное проживание крестьян, решение многих вопросов, не всегда имевших гражданско-правовое значение. И лично-доверительные отношения, характерные для товарищества, между членами общины присутствовали не всегда. А. В. Камкин обращает внимание на существовавшие органы самоуправления, которые выполняли публичные функции: «В центре внимания... схода была, как правило, не общемирская, а сравнительно узкая проблема, затрагивавшая интересы только некоторых деревень мира... Так, например, в марте 1795 г. «Тотемской волости разных деревень мирские крестьяне» дали «подписку» и позволили крестьянам Василью и Игнатию Шавриным «пруд запрудить», «анбар строить» и «заводить мельницу». В документе детально оговариваются условия строительства, призванные не нарушать местное рыболовство. Очевидно, что община дает разрешение на осуществление совместного строительства двум крестьянам (братьям), между которыми уже возник договор товарищества. Здесь община составляет форму коллективного быта, призванную совместить интересы различных ее членов, не допустить нарушения общественных интересов, т. е. выполняет административные функции. С другой стороны, как отмечает А. В. Камкин,

«для крестьянина, тысячью нитей связанного с сельским миром, важно было подкрепить свою инициативу и предпринимательство авторитетом мирского решения». Выборные лица общины «учиняли согласные приговоры», выдавали отдельным крестьянским семьям «разрешительные письма» на совместное строительство дамб, мельниц и других объектов⁶⁴. В указанном случае товарищеским объединением являлась не столько сама община, сколько объединение, возникавшее внутри этой общины. В основе такого объединения лежал именно товарищеский договор как соглашение о соединении вкладов и совместной деятельности. Определенные аналогии между общиной и товарищеским объединением провести уместно, они усматриваются даже в аналогии словесных обозначений коллегиальных органов самоуправления в рамках волости («сотский с товарищи»)⁶⁵. Однако присутствует довольно много отличий общиной организации крестьянского населения от гражданского товарищества. Такие отличия сводятся к следующему: 1) основу гражданского товарищества всегда составлял договор; основанием возникновения общины является сложный юридический состав, который вряд ли можно свести лишь к договорным отношениям; 2) договор товарищества, как правило, заключается на определенный срок; существование общины являлось бессрочным; 3) источники свидетельствуют, что товарищеские договоры часто возникали между родственниками, что позволяет судить об особых лично-доверительных отношениях участников договора; в общине лично-доверительные отношения присутствовали не всегда; источники повествуют о существовании внутриволостных группировок, семейных кланов, которые объединялись с целью реализации общих имущественных интересов⁶⁶; если исчезновение личного доверия означало прекращение товарищества, то конфликт внутри общины не являлся основанием для ее распада; 4) товарищества предполагали имущественную основу – вклад участников, сущность общины не сводится лишь к объединению лиц и капиталов. Как считал С. В. Юшков, крестьянский мир был «един, но троичен в своих проявлениях»: волость – организация власти и управления; приход – удовлетворение духовных потребностей; поземельная община – регламентация материально-хозяйственной сферы⁶⁷. Причем все три характеристики общины существовали параллельно. В трудах многих исследователей справедливо утверждается также, что община сама по себе претерпела как минимум три стадии в своем историческом развитии: патриархальная (родовая, «старая») община; договорная (владельческая); государственная (волостная)⁶⁸. Н. И. Костомаров, по нашему мнению, наиболее точно охарактеризовал отношения внутри общины на последнем, «государственном» этапе ее существования: «...формы самоуправления существовали, но были под сильным давлением приказного порядка». Н. И. Костомаров, однако, признает, что на Севере община сохранила большую самостоятельность, поэтому товарищеский элемент в ней присутствовал в значительной степени. В остальной же России начальствующий крестьянин часто «делался жестоким мучителем своих братьев, если только возвышался над ними...»⁶⁹. По мере своего развития отношения в общине все более утрачивали товарищеский характер и все более очевидным становилось стремление государства использовать общину как средство организации местного управления. Д. Я. Самоквасов полагал также, что следовало говорить о двух типах общины: общине автократической и общине – братском союзе. То есть договор, составлявший основу автократической общины (власть старшего представителя рода), вряд ли можно считать товариществом⁷⁰.

Таким образом, в качестве общего вывода необходимо отметить следующее. В гражданском праве дореволюционной России сложились различные формы товарищества. В качестве одной из форм существовало товарищество простое – договорное объединение, не образующее юридического лица. К существенным условиям ДПТ относились: 1) предмет и цель договора (предприятие или иное «дело»); 2) имущественные вклады товарищей; 3) личное участие каждого товарища в совместной деятельности. В России существовали два типа товариществ:

1) товарищества, которые признавались юридическими лицами (полное, коммандитное, акционерное); 2) товарищества, не признаваемые юридическими лицами (простое товарищество).

1.3. Эволюция законодательного регулирования отношений простого товарищества в советский период

Проект Гражданского уложения не вступил в силу. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. являлся первым кодифицированным актом, регулировавшим отношения простого товарищества.

В целом суждения ученых относительно сопоставления данных источников сводятся к двум принципиально важным тезисам.

1. Признание, что нормы Проекта были сформулированы довольно удачно и отвечали специфическим условиям организации общественной и экономической жизни в России. Действительно, Проект содержал правила о простом товариществе, которые детально раскрывали отдельные условия, которых нет даже в главе 55 нынешнего ГК РФ. Например, условие о дополнительном вознаграждении для участника, ведущего общие дела за осуществление представительских, координирующих, информационных и иных функций.

2. Ведущие специалисты констатируют преемственность в процессе создания ГК РСФСР 1922 г. Более того, ряд норм Проекта воспроизводится в первом ГК РСФСР. Воспроизведение наблюдается не только в ГК РСФСР 1922 г., но и в гражданских кодексах всех союзных республик. Соответственно в значительной степени были воспроизведены и нормы о простом товариществе. ДПТ давал государственным и частным организациям очевидные преимущества перед образованием юридического лица: не требовалось регистрировать «общую фирму», как в случае, например, полного товарищества или акционерного общества. Товарищи не теряли своей юридической и экономической самостоятельности – они только объединяли часть капитала.

Законодательное регулирование отношений простого товарищества является показательным примером резкой смены приоритетов в области экономики, свойственной советскому периоду. Переход от политики военного коммунизма к НЭПу означал восстановление товарно-денежных отношений. Соответственно, признание государством возможности осуществления частного предпринимательства предопределило необходимость оформления различных организационно-правовых форм предпринимательских объединений. Гражданский кодекс РСФСР включал главу X, нормы которой регулировали отношения простого товарищества. Примечательно, что в последующих главах ГК были помещены нормы о полном товариществе, которое признавалось юридическим лицом. В простое товарищество могли объединяться как организации, действовавшие в целях извлечения прибыли, так и граждане с любой целью, не противоречащей закону. ГК 1922 г. не называет договор, на основе которого существовало простое товарищество, «договором простого товарищества». Термин, избранный законодателем, более общий – «договор товарищества».

Простое товарищество могло быть образовано соглашением двух или нескольких лиц. В качестве существенных условий «договора товарищества» фигурировали: 1) общая «хозяйственная» цель; 2) вклады товарищей, которые могли составлять «деньги, другое имущество или услуги»; 3) личное участие товарищей в совместной деятельности.

Как отмечал П. И. Стучка, «простое товарищество – это общежитейский мало формальный коллектив, без регистрации и без общей фирмы. Форма договора, если предмет складочного капитала свыше 500 руб., письменная»⁷¹.

Имущество, внесенное в качестве вклада, признавалось общей собственностью товарищей. Договором могли быть установлены иные варианты имущественных отношений («общее пользование»). В соответствии со ст. 279 ГК 1922 г. допускалось наличие в общей собственности недвижимого имущества – «немуниципализированных строений». Законодатель оперировал такими терминами, как «имущество, приобретенное товариществом», «складочное

имущество товарищества». Данное обстоятельство свидетельствует о том, что простое товарищество обладало правосубъектностью. Специалисты называют такую правосубъектность усеченной, поскольку данный вид товарищества не являлся юридическим лицом. При этом нормы ГК 1922 г., и в частности отдельные нормы о простом товариществе, подвергались критике, как сформулированные «неудачно»⁷².

ГК 1922 г. предусматривал два возможных варианта ведения дел товарищества: 1) с общего согласия всех товарищей; 2) решение вопросов большинством голосов. Второй вариант мог быть установлен договором. Причем большинство голосов могло определяться не обязательно по размеру вклада, а по числу товарищей. Товарищи могли выбрать ведущего общие дела участника или поручить ведение общих дел товарищества нескольким участникам. Согласно ст. 282 ГК 1922 г. допускалось прекращение полномочия на ведение общих дел по решению всех либо большинства товарищей. Ведущий общие дела участник («уполномоченный») мог сам отказаться от ведения общих дел, но для прекращения (отказа) требовалась уважительная причина, являвшаяся, несомненно, оценочным понятием. Законодатель использовал оценочные понятия и в некоторых других статьях ГК 1922 г. Так, в соответствии со ст. 283 ГК товарищ, совершивший в общих интересах какие-либо действия без надлежащих полномочий, имел право на возмещение расходов, если у него были основания «признавать эти действия необходимыми в интересах товарищества».

Ответственность за неисполнение обязательств по договору следует рассматривать в двух аспектах: 1) ответственность ведущего общие дела товарища за ненадлежащее ведение общих дел; 2) ответственность каждого товарища за неисполнение своих договорных обязанностей. Ответственность по общим обязательствам перед третьими лицами была долевой. Товарищи отвечали соразмерно их вкладам в товарищество.

Каждый товарищ обладал правом на информацию о делах товарищества. Право на участие в товариществе могло быть передано иному лицу только с согласия всех либо большинства товарищей. Этим обстоятельством подчеркивался личный характер участия в простом товариществе.

ГК 1922 г. предусматривал следующие обстоятельства, в силу которых прекращалось простое товарищество: 1) смерть кого-либо из товарищей; 2) объявление товарища недееспособным или несостоятельным; 3) заявление товарищем требования о прекращении бессрочного товарищества; 4) досрочный отказ одного (нескольких) товарищей по уважительной причине от дальнейшего участия в «товариществе, учрежденном на срок»; 5) истечение срока, на который «было учреждено товарищество»; 6) достижение цели либо наступившая невозможность достижения цели товарищества (необходимо отметить, что данное обстоятельство относилось только к целям, которые было возможно достигнуть по окончании какого-либо промежутка времени); 7) обращение взыскания на долю хотя бы одного товарища по требованию кредитора; 8) соглашение товарищей о прекращении товарищества.

Отмена или ограничение права на отказ от участия в товариществе объявлялись недействительными. Кредитор одного из товарищей, не предъявивший требования о ликвидации дел товарищества, имел право участвовать в прибылях товарищества, но при этом у кредитора в силу ст. 293 ГК 1922 г. не возникало обязанностей по совместной деятельности. Ликвидация дел товарищества включала две стадии: 1) раздел общего имущества; 2) распределение прибылей и убытков. Таким образом, ГК 1922 г. предусматривал три разновидности договора, регулировавшие отношения простого товарищества: 1) собственно договор товарищества; 2) последующее соглашение участников о продолжении товарищества в случае смерти, несостоятельности или выхода одного из участников; 3) соглашение о порядке взаимных расчетов с кредиторами при ликвидации товарищества. Представляются неубедительными суждения отдельных авторов о том, что «советское гражданское право не знало договоров товарищества» и поэтому является «исключением»⁷³. Произведенный обзор норм ГК 1922 г. полностью

опровергает данную точку зрения. Более того, простое товарищество могло быть создано с различными целями, т. е. в рамках простого товарищества могла осуществляться предпринимательская либо иная хозяйственная деятельность. Отдельные специалисты, в частности М. Манасевич, И. Брауде, отмечали факт существования негласных товариществ⁷⁴. Включение в ГК 1922 г. положений о простом товариществе было, как указывал С. Н. Братусь, примером преемственности между римским частным правом, буржуазным и советским гражданским правом⁷⁵. О. С. Иоффе также отмечал существование преемственности, однако полагал, что такая преемственность «является, безусловно, обязательной в области юридической техники», в то время как «социальная преемственность социалистического права по отношению к эксплуататорскому праву исключена»⁷⁶. Одним из примеров, подтверждавших данные суждения, являлось включение в ГК 1922 г. норм о товариществах. Причем многие положения о простом товариществе применялись к товариществу полному. Основой возникновения также являлся товарищеский договор. В силу специального указания в ГК 1922 г. применялись к полному товариществу положения о вкладах, об ответственности товарищей, о прекращении товарищества. Отличие полного товарищества от товарищества простого состояло главным образом в том, что в товариществе полном товарищи действовали «под общей фирмой». Полное товарищество признавалось юридическим лицом и подлежало регистрации в торговом реестре, в свою очередь, товарищество простое представляло собой договорное объединение, не являвшееся субъектом права.

Очевидными нам представляются следующие обстоятельства: 1) ГК РСФСР 1922 г. стал первым вступившим в силу нормативным актом, в котором содержались специальные нормы о простом товариществе; 2) различия между отдельными видами товариществ (простое, полное, коммандитное) были несущественны, за исключением, однако, признания двух последних юридическими лицами и наличия в коммандитном товариществе вкладчиков, не принимавших личного участия в совместной деятельности; 3) до начала XX столетия в связи с тем, что понятие юридического лица не получило детального закрепления в отечественном законодательстве, под товариществом понималась совокупность исключительно людей (лиц физических). Лишь в Проекте 1913 г., а затем в ГК РСФСР появилась норма, предполагавшая наличие в качестве товарищей как лиц физических, так и лиц юридических; 4) в ГК РСФСР 1922 г. были детально урегулированы порядок заключения, условия и порядок прекращения товарищеского договора (договора товарищества).

В отношении дальнейшей судьбы института товарищества в советском гражданском праве следует признать большую степень справедливости подвергнувшегося ранее критике суждения Е. В. Довлатовой. В начале 1930-х гг. наблюдается процесс «свертывания» НЭПа и, соответственно, товарищества прекращают существование. Договор товарищества, как указывалось в литературе 1930–1950-х гг., имел «узкую сферу применения», изложение материала о простом товариществе было кратким. ГК РСФСР до 1964 г. содержал нормы о простом товариществе, которые на практике могли применяться лишь в целях, не связанных с извлечением прибыли. Однако в условиях тотального государственного контроля за многими сферами общественной жизни были существенно ограничены возможности заключения товарищеских договоров даже в целях, не связанных с предпринимательством (гражданское, некоммерческое товарищество). Данная ситуация позволила отдельным авторам утверждать, что к середине XX в. договор товарищества оказался «на грани отмирания». Данное утверждение следует в значительной степени признать справедливым. «С ликвидацией частной собственности были упразднены и частные товарищества». Как следствие, освещение проблем простого товарищества в монографической литературе прекратилось. «Но начиная с середины 1950-х годов положение существенно меняется. Этому способствовало коллективное строительство многоквартирных жилых домов на праве личной собственности, которое юридиче-

ски расширило сферу использования договора простого товарищества»⁷⁷. Именно договор о совместной деятельности (совместном строительстве), как отмечал А. И. Масляев, составлял основу создания жилищно-строительных кооперативов⁷⁸. Возрождение практического использования товарищеского договора произошло с использованием иного названия – договор о совместной деятельности, изменилось содержание существенных условий договора, однако сами условия сохранились: имущественный вклад; общая цель; предмет – объединение вкладов и совместная деятельность.

В 1964 г. последовало принятие нового Гражданского кодекса. Данный нормативный акт содержал нормы, устанавливавшие аналогичную простому товариществу договорную модель – совместную деятельность. Договор о совместной деятельности, однако, не относился к числу коммерческих сделок (такой термин был неприемлем), и его участники не преследовали цели извлечения прибыли. Договоры о совместной деятельности также делились на две группы. Во-первых, предприятия и организации могли объединяться для достижения «общей хозяйственной цели». Во-вторых, дееспособные граждане могли заключать такие договоры в различных сферах. Наиболее распространенной сферой, как потом выяснилось на практике, стало совместное строительство многоквартирных жилых домов.

В соответствующих нормах ГК РСФСР 1964 г. детально раскрывалась цель совместной деятельности: «...Стороны обязуются совместно действовать для достижения общей хозяйственной цели, как-то: строительство и эксплуатация межколхозного либо государственно-колхозного предприятия или учреждения (не передаваемых в оперативное управление организации, являющейся юридическим лицом), возведение водохозяйственных сооружений и устройств, строительство дорог, спортивных сооружений, школ, родильных домов, жилых строений и т. п.». Следует отметить две характерные особенности, обозначенные в цели договора: 1) в ст. 434 ГК РСФСР обозначена не просто цель, а перечень целей, для достижения которых могли объединяться участники договора о совместной деятельности; данный перечень являлся открытым; 2) для законодателя при обозначении в норме ГК целей, крайне важным представлялось указать именно их социальный характер, так как перечень сформулированных хозяйственных целей в основном говорит об объектах, строительство и эксплуатация которых должны осуществляться по соответствующему договору. В соответствии со ст. 434 ГК РСФСР 1964 г. граждане могли заключать договоры о совместной деятельности лишь «для удовлетворения личных бытовых нужд». Для решения всех вопросов совместной деятельности в соответствии со ст. 435 ГК 1964 г. должно было иметь место «общее согласие» товарищей. ГК 1964 г. не содержал указания на возможность решения вопросов большинством голосов. Данное обстоятельство свидетельствует о стремлении законодателя повысить устойчивость товарищеских объединений. Однако, как и в ГК 1922 г., предусматривалась возможность соглашения участников на предмет поручения ведения общих дел какому-либо товарищу с выдачей соответствующей доверенности. Традиционной была и классификация вкладов: 1) деньги; 2) «иное имущество»; 3) трудовое участие.

Норма о порядке покрытия расходов была диспозитивной – такой порядок мог быть определен договором.

В соответствии со ст. 438 ГК 1964 г. правила об отдельных видах совместной деятельности могли быть установлены постановлениями Совета Министров РСФСР. В качестве такого вида совместной деятельности следует назвать совместное строительство многоквартирных жилых домов и иных объектов недвижимости. Как отмечает Е. Н. Гендзехадзе, еще в 1920-е гг. был издан ряд постановлений Совета Народных Комиссаров, которыми предусматривалась возможность создания на добровольной основе «трех видов кооперативных товариществ: жилищно-арендных, жилищно-строительных рабочих и общегражданских»⁷⁹. В середине XX столетия вследствие разрушения жилищного фонда, наступившего в результате

агрессии фашистской Германии и ее сателлитов, потребность в возведении жилья была особенно острой. Наряду с государственным строительством практиковалось создание жилищно-строительных кооперативов, а также коллективов индивидуальных застройщиков. В развитие положений ГК 1964 г. ЦК КПСС и Советом Министров было издано постановление от 04.10.1965 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», в соответствии с которым предприятиям предоставлялось право использовать средства фонда социально-культурных мероприятий и фонда жилищного строительства для долевого участия в совместном строительстве жилых домов и учреждений культурно-бытового назначения. Объединять имущество для долевого строительства было также возможно на основании п. 56 Положения о предприятии⁸⁰ и п. 19 Примерного устава колхоза⁸¹. В период принятия ГК РСФСР 1964 г. и позже наблюдается существенное повышение внимания специалистов к данной разновидности договора. Так, А. Б. Годес и З. А. Подопригора исследовали понятие межколхозной собственности, которая возникала на основе договора о совместной деятельности колхозов⁸². Возникла дискуссия по вопросу о правовой природе отношений, складывающихся между участниками межколхозной организации. А. А. Рускол полагал, что при создании такого вида юридического лица, как межколхозная организация, имеют место отношения членства. О. С. Иоффе и К. И. Седунов, наоборот, считали, что такие отношения являются отношениями товарищества. И договор о создании межколхозной организации они считали разновидностью «товарищеского договора»⁸³. З. А. Подопригора определяла договор о совместной деятельности как основу существования межколхозных и государственно-колхозных предприятий. При этом социальная сущность таких предприятий предполагалась иной, чем социальная сущность простого товарищества, отношения которого были урегулированы в ГК 1922 г. Цели совместной деятельности могли быть как экономическими, так и культурно-просветительными, имели «многогранный характер»⁸⁴. Несмотря на отсутствие в законодательстве термина «простое товарищество», многие специалисты использовали его в своих публикациях для характеристики отношений по совместной деятельности. Критерием классификации выступал субъектный состав отношений: 1) простое товарищество граждан; 2) межколхозное простое товарищество; 3) государственно-колхозное простое товарищество. Соответственно на практике применялись различные виды договора о совместной деятельности.

1. Договор о совместной деятельности граждан. Участниками являлись дееспособные граждане. Цель определялась как удовлетворение личных бытовых нужд.

2. Договор о межколхозной совместной деятельности, участниками которого являлись колхозы. Цель совместной деятельности была «общей хозяйственной»: создание и эксплуатация межколхозной строительной организации; сооружение и эксплуатация межколхозных водохозяйственных объектов и т. п.

3. Договор о государственно-колхозной совместной деятельности. Участниками могли выступать государственные предприятия и колхозы. Вклады объединялись с передачей их в оперативное управление межколхозной организации с целью строительства и последующей эксплуатации государственно-колхозных электростанций, водохозяйственных объектов и т. п.⁸⁵

4. Договор о совместной деятельности межколхозных организаций. Участники – межколхозные организации создавали межколхозное строительное (иное отраслевое) объединение⁸⁶.

Таким образом, существовало два вида совместной деятельности: посредством создания юридического лица (межколхозного предприятия, объединения); без создания такового. Многие специалисты считали второй вид совместной деятельности простым товариществом. При этом, как уже отмечено нами, принималось во внимание отличие от простого товарищества 1922 г. по социальной сущности – законодатель ориентировал организации на достижение

не просто «не противоречащих законодательству», а общественно полезных целей. Основным средством регулирования экономических отношений являлись плановые задания, договорное регулирование носило дополнительный характер. Но широкое применение договора о совместной деятельности позволяло решать ряд экономических проблем. В основном через совместную деятельность решались проблемы местного значения: энергоснабжение территориально удаленных объектов, обеспечение населения услугами санаториев, домов отдыха и др.

Ситуация, сложившаяся в стране к началу 1980-х гг., требовала отказа от сверхцентрализованной экономической системы. Конституция СССР 1977 г. не допускала возможности осуществления гражданами Советского Союза частной предпринимательской деятельности. Но в Основном законе появилась норма, которая имела если не революционный, то довольно прогрессивный характер. В соответствии со ст. 17 Конституции СССР 1977 г. граждане имели право в свободное от основной работы или учебы время заниматься индивидуальной трудовой деятельностью в сфере сельского хозяйства и кустарно-ремесленных промыслов. Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» был принят только в 1986 г., и с этого времени индивидуальная трудовая деятельность (далее – ИТД) стала неотъемлемой частью экономики страны. И в условиях начавшихся экономических реформ законодательство, в особенности регулировавшее имущественный оборот, стало быстро терять былую стройность. Появились противоречия, и наглядным примером здесь является противоречие вышеуказанного закона Гражданскому кодексу РСФСР. Скорее это было не противоречие как таковое, а непонятная ситуация, породившая среди специалистов дискуссии. Граждане, занимавшиеся ИТД, стали создавать различные объединения, довольно часто это были кооперативы. Но действовали и объединения, в основе которых лежали соглашения, иногда и не называвшиеся договорами о совместной деятельности, но сходные с ним. В таких условиях норма ГК, согласно которой граждане могли заключать соответствующий договор только для удовлетворения личных бытовых нужд, перестала отражать изменившиеся общественные отношения. Очевидным представляется факт, что граждане, объединяя свое имущество и совместно занимаясь ИТД, явно выходили за пределы того понятия, что именуется личными бытовыми нуждами. ИТД в соответствии с законом была деятельностью, направленной на систематическое получение дохода. Товары, работы и услуги, производимые гражданами в рамках ИТД, реализовывались не по государственным, а по рыночным ценам. Вместе с тем ИТД еще не была предпринимательской деятельностью. Некоторые ограничения, в частности запрет использования наемного труда, не позволяли считать ее таковой. Однако данная противоречивая ситуация воспринималась дальновидными специалистами как нечто временное, как некий переходный период, становилось ясно, что последует дальнейшая либерализация имущественного оборота. В этой связи вполне логичным шагом теперь уже российского законодателя представляется принятие Закона РСФСР от 25.12.1990 «О предприятиях и предпринимательской деятельности». В данном нормативном акте законодатель обозначил полное товарищество как предпринимательское объединение, юридическим лицом не являющееся, совершенно при этом не упомянув о товариществе простом. С. Денисов справедливо полагает, что именно признание полного товарищества объединением, не образующим самостоятельного юридического лица, и послужило причиной отсутствия упоминания о товариществе простом. По нашему мнению, с данным предположением следует согласиться, но необходимо также отметить одну деталь. Время на рубеже 1980–1990-х гг. составляет уникальную часть советского периода истории отечественного законодательства. Легализация предпринимательской деятельности возродила к жизни многие полузабытые правовые термины, которые в этот момент еще не были сколь-нибудь серьезно систематизированы. Как отмечает О. А. Серова, в указанный период «...произошло смешение различных правовых институтов, самого юридического лица, права собственности, предприятия как объекта и субъекта гражданских прав, обязательственных правоотношений... В данный период законодательная неразбериха, терминологическая путаница

стали неотъемлемой чертой многих нормативных актов»⁸⁷. Отчасти по этой причине законодатель несколько опрометчиво обозначил термином «полное товарищество» то объединение, которое по традиции Проекта 1913 г. и ГК 1922 г. признавалось товариществом простым. ГК РФ в ч. II восстановил прерванную традицию, хотя название соответствующей главы оказалось несколько измененным. В Проекте и ГК 1922 г. фигурировало название «простое товарищество» и, как уже отмечалось в исследовании, нормы о простом товариществе были помещены в раздел «Товарищества». О ДПТ говорилось лишь как о соглашении, на основании которого простое товарищество возникает. В свою очередь ныне действующий ГК РФ довольно четко отделяет товарищества полное и коммандитное как юридические лица, нормы о которых помещены законодателем в ч. I и ДПТ, который поименован в ч. II.

С переходом к рыночным отношениям стала очевидной непригодность норм ГК РСФСР, в том числе и норм о совместной деятельности, для новых социально-экономических условий. Были приняты правовые акты, закрепившие основы предпринимательства: уже упоминавшийся Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» 1990 г.; Конституция РФ 1993 г.; Гражданский кодекс РФ (ч. I) 1994 г. Как отмечает большинство авторов, характеризующих развитие гражданского законодательства на рубеже 1980–1990-х гг., в данный период происходило быстрое изменение многих понятий, возникновение новых и возрождение ранее отвергнутых наукой терминов. Ю. С. Любимов справедливо подчеркивает, что «даже новейшая российская история дает интересные примеры того, как объединения получали и теряли правосубъектность вслед за изменением законодательства»⁸⁸. Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»⁸⁹ (далее – Закон) содержал нормы, устанавливавшие систему субъектов предпринимательства. Вместе с тем данный нормативный акт не относил полное товарищество к юридическим лицам⁹⁰.

В этой связи необходимо охарактеризовать ряд норм Закона. Они позволяют проследить, как законодатель искал наиболее приемлемые варианты содержания для различных форм предпринимательства. Различие терминов, содержащихся в данном Законе и включенных затем в ГК РФ, дает представление о поисках законодателем наиболее приемлемых вариантов различных предпринимательских объединений периода начала 1990-х гг.

В соответствии со ст. 9 Закона, как автор упоминал выше, полное товарищество не являлось юридическим лицом. Закон содержал следующее определение: «Полное товарищество представляет собой объединение нескольких граждан и (или) юридических лиц для совместной хозяйственной деятельности на основании договора между ними». Следует дополнить, что в соответствии с той же ст. 9 Закона можно выделить признаки, позволяющие провести некоторые параллели полного товарищества по Закону и современного простого товарищества: 1) целью создания полного товарищества являлась «совместная хозяйственная деятельность» участников; 2) имущество полного товарищества принадлежало его участникам на праве общей долевой собственности; 3) полное товарищество не являлось юридическим лицом. По мнению Е. А. Суханова, «...полному товариществу... не был дан статус юридического лица, поскольку разработчикам [Закона] осталось неизвестно понятие простого товарищества»⁹¹.

Совместная хозяйственная деятельность являлась также признаком смешанного товарищества (ст. 10 Закона), однако при этом смешанные товарищества признавались юридическими лицами.

Детальный анализ норм Закона позволяет сделать вывод о том, что существовало как минимум пять видов соглашений, которые можно было каким-либо образом соотносить с договором о совместной деятельности:

– договор между участниками индивидуального (семейного) частного предприятия о правовом режиме имущества, входящего в состав предприятия;

- договор о совместной хозяйственной деятельности в рамках полного товарищества;
- договор о создании смешанного товарищества;
- договор о создании союза, ассоциации, концерна, межотраслевого, регионального или иного объединения предприятий;
- договор товарищества, заключенный представителями трудового коллектива государственного, муниципального предприятия или предприятия со смешанной формой собственности с целью осуществления предпринимательской деятельности и получения прибыли на основе взятого в аренду с правом выкупа (или без такового) имущества.

Мнения специалистов, характеризующих Закон, сходятся в самом главном: Закон не только впервые после эпохи НЭПа юридически закрепил возможность для граждан и организаций заниматься предпринимательской деятельностью, но и предусматривал ряд организационно-правовых форм такой деятельности. Одной из форм и являлось товарищество, которое могло быть образовано на основании договора. На примере данного Закона, как автор уже отмечал, видны попытки законодателя более точно обозначить правовую конструкцию товарищества. Можно проследить некую эволюцию определений: полное товарищество по Закону не являлось юридическим лицом, а по ГК РФ (ч. 1) – является; Закон не содержал понятия «простое товарищество», а ГК РФ (ч. 2) – содержит.

Отношения совместной деятельности также были урегулированы Основами гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (далее – Основы) Законодателем предполагались два вида совместной деятельности: 1) совместная деятельность с образованием юридического лица; 2) совместная деятельность без образования юридического лица. Вторым видом совместной деятельности регулировался договор с соответствующим названием. В Основах приравнивались такие понятия, как «договор совместной деятельности» и «договор простого товарищества».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.